

Е. А. Галинская

К ИСТОРИИ ФОНЕМЫ /ѐ/ В ОДНОМ ИЗ СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ КОНЦА XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

История фонемы /ѐ/ и ее рефлексов в разных говорах северновеликорусского и южновеликорусского наречий является одним из основных вопросов исторической диалектологии русского языка. Изучение ряда рукописных источников позволило нам сделать некоторые выводы относительно судьбы фонемы /ѐ/ в севернорусских говорах конца XVI — первой половины XVII в., локализовавшихся на территории, занимаемой ныне Ладого-Тихвинской группой северного наречия русского языка. Материалом исследования послужили памятники делового письма, созданные в Тихвинском Успенском и Александровом Свирском монастырях на рубеже XVI—XVII вв. (46 рукописных источников, хранящихся в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (ЛОИИ), ф. 3, 132, общим объемом около 3000 листов): двадцать приходно-расходных книг казначеев, одиннадцать приходно-расходных житнических книг, три переписные книги монастырского имущества, одна вкладная и семь таможенных книг, три выписки из межевальных, отписных, сыскных и писцовых книг и одна книга «с перечнем перебежчиков из-за Шведского рубежа». Тексты составлены разными писцами, но имеют сходную орфографию и отражают одинаковые диалектные особенности говора их создателей, что позволило в процессе анализа объединить материал всех рукописей.

В исследуемых текстах довольно широко представлено употребление букв *и* и *е* в корнях и формах, традиционно писавшихся через *ѣ*. Не перечисляя многочисленные случаи написания их с буквой *ѣ*, ограничимся лишь приведением ряда орфограмм с буквами *и* и *е* на месте *ѣ* в корнях слов под ударением.

Позиция перед твердыми согласными

Буква *и*: биглым 30-2 об.¹, бжицкого верху² 8-7 об., 9-20, 13 об., 27-8 об. и др., быжыцкой пятины 1257-61, билые 1262-54, билки 1262-26, бл(а)говищение 33-87, 39-10 об., бл(а)говишен(ь)ю 32-113, отвишено 1262-8, жеребец гнид 1257-48 об., дилат(ь) 30-5, дилал 30-52 об., задилано 2-27 об., подильвал 30-52, подилку 30-52, от... подилке 30-58, колени 1260-34, колина 1257-64, ливое 1257-48 об., наливо³ (часто), лис

¹ Числа, следующие за словоформами, означают соответственно номер памятника по описям ЛОИИ и номер листа, причем рукописи из описи № 2 ф. 132 обозначаются арабскими цифрами, а рукописи из описи № 2 ф. 3 — римскими. Материал источников дается в упрощенном написании: *а* йотированное и юс малый передаются через *я*; *о*мега — через *о*; *ї* десятеричное — через *и*; *ѣ*ита — через *ѣ*. Выносные буквы выделяются курсивом.

² Рукописные данные свидетельствуют, что звуки [ш], [ж], [ц] исконные, а также долгий глухой шинящий и его звонкий коррелят произносились писцами твердо, в то время как [ч] (или выступающее на его месте [ц']) было мягким.

³ Данное слово включается в список условно, так как в московском произношении XVII в., по наблюдениям Л. Л. Васильева, оно имело ударение на первом слоге (см.: Васильев Л. Л. К истории звука *ѣ* в московском говоре XIV—XVII вв. — Изв. Отд-ния рус. яз. и словесн., т. X, кн. 2, 1905, с. 187, 211). Какова была его акцентовка в тот же период в северных говорах, сказать трудно.

11-11 об., 25-9 об., 30-13, девяти лит 1257-64/64 об., медвиж(ь)я 1262-40 об., 55 об., медвидно 1259-60, 1262-9 об., 52, медвидна (род. ед.) 1262-55 об., мидных 1262-3, 50 об., миру (вин. ед., очень часто), недомирки 1262-56 об., орихова (род. ед.) 1258-12 об., з зарицкого гумна (очень часто), зарицких 12-1 об., 3 об., зарицком 23-5, свижих 1262-51 об., свижие 10-23 об., сина (род. ед.) 1-24 об., сир (кратк. прил.) 1260-18, сиры (род. ед. от сущ. *сѣра*) 1262-45, 46 об., 48 об., 50, 56, 56 об., засиву 25-13 об., хлеб (а также другие формы этого слова — очень часто), человек 1257-54.

Буква е: бежицког(о)верху 20-11, в немецкую беж 1-89 об., 102 об., белой 1259-6, белых 1-64, обернибесову (фамилия) 9-9, гнед 1260-18 об., левая 1260-78, на левой 1257-8 об., налево (очень часто)⁴, мелкую 1-73 об., мены (род. ед.)⁵ 1260-19 об., меру 20-15, 15 об., с отметомъ 1260-2 об., мех 1259-10 об., з зарецкого гумна 31-41 об., 42 об., 45, 52 об., 54 об., репу 1-102, сено (очень часто), сер (кратк. прил.) 1260-29 об., серы 1-211, сера 2-32 об., тележные 1-122, тележных V-7, 47, 80 об., тележную (е исправлено на ѓ) 22-12 об., человек 1260-5.

Позиция перед мягкими согласными

Буква и: навстричу 8-12, 29-96, 182, стритение г(о)с(под)не 22-26, в дивич м(о)н(а)ст(ы)рь 1-61, дити 23-10, в лисе (и исправлено на ѓ) 15-7, миди (род. ед.) 1261-2, 3, 11 об., 1262-50, медвидецкого 30-10, медвидецким 30-7, мирит(ь) 15-48, мирел 23-9 об., 25-9, мирено 23-4, 5, мирена 25-5 об., 27-4 об., на мисец 8-1, 4, 5, 11, 14, 11-2, 3, 4 об. и др., 25-2, 2 об., 7 об., 30-2, 5, 9 об., 17 об. и др., 35-6, мисечных 2-19 об., мисечину 8-7 об., мисечины (род. ед.) 8-11, 14 и др. (часто), три недили 1-32 об., повити (=повѣти) 24-9, рипишо (репное поле)⁶ 8-14 об., от рички III-4 об., к рички III-4 об., з зариц(ь)я 12-3, свич (род. мн.) 1261-16, VI-18 об., сият(ь) 20-15 об., 25-11, 13 об., 30-13 об., сиял 27-14 об., сияно 25-11, симени (род. ед.) 20-13 об., 25-11, 27-13, двѣ сити 1-54, сич(ь) 25-9, 30-12 об., сичены III-4, ивану засикину 20-16 об., 25-2, телиги 19-9.

Буква е: новодевичя м(о)н(а)ст(ы)ря 27-10 об., по колени 1260-36 об., месечины 11-1, отметина 1260-2 об., 15, вотметина 1257-2, с недели 1-33 об., за неделю 1-54, на свечи 1-5 об., 10-14, 19 об., 15-38 об., 21-104 об., 22-1 об., 24 об., сеѣт (3-е л. ед. ч.) 32-120, телеги 1-70, тѣлеги V-88.

Подобная замена ѓ на е и и в обеих позициях наблюдается также в корнях заимствованных слов, во всевозможных суффиксальных морфемах, в положении абсолютного конца слова в основах наречий, во флексиях местоимений и числительных. Кроме того, мена букв ѓ, е, и отмечается во флексиях местного падежа единственного числа су-

⁴ См. сноску 3.

⁵ В московском говоре XVII в. слово *мѣна*, по данным Т. Г. Хазагеров, относилось к окситонированной парадигме *в* (постоянное ударение на окончании) (см.: Хазагеров Т. Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973, с. 145; см. также: Васильев Л. Л. Указ. соч., с. 187, 212). В. В. Колесов, однако, отмечает, что в древнерусском языке у этого слова наблюдалось более или менее широкое колебание между окситонезой и баритонезой (постоянное ударение на корне) (см.: Колесов В. В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972, с. 27, 29).

⁶ Ударение на первом слоге в данном слове отмечено А. А. Шахматовым (см.: Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893, с. 251).

ществительных мужского рода с нулевым окончанием и в формах родительного, дательного и местного падежей существительных женского рода на *-а*, причем в формах родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных женского рода регулярно употребляется окончание *-ы*, так что объяснять эти написания следует в свете проблемы падежного синкретизма.

В ряде случаев в рукописях наблюдается использование буквы *ѣ* для обозначения исконных гласных /и/ и /е/.

Позиция перед твердыми согласными

ѣ вместо *и*: белѣл (род. мн. от сущ. *бѣлила*) 1262-3, 11, 46 об., 50, вѣлы 13-50 об., рѣгъ (род. мн. от сущ. *рига*) 12-2 об., 5, 13 об., 30-50, 31-41 об., 42, порѣжных денег (производное от того же корня) 6-58 об., 33-117 об., 39-5, свѣтку (вин. ед. от сущ. *свитка*) VI-2 об., свѣточново сукна VI-9, три сѣта 9-12 об., на сѣтомли⁷ 1-34 об.

ѣ вместо *е*: мѣдъ (=мѣд) 1-174 об., немѣцкую 1-86 об., застѣшки 6-5.

Позиция перед мягкими согласными

ѣ вместо *и*: верѣги 15-49, в грѣвенки 1-112, нѣтеи (род. мн. от сущ. *нить*) 14-15 об., с рѣги 12-1, 1 об., 2, 31-42 об., 50 об., 52, 54.

ѣ вместо *е*: пѣч 1-119.

Итак, в рассматриваемых нами рукописях мена букв *ѣ*, *е* и *и* отмечается практически во всех позициях и в разных морфемах, причем на месте *ѣ* чаще употребляется буква *и*, нежели *е* (равно как буква *и* чаще, чем буква *е* заменяется на *ѣ*), что заставляет обратиться к тем севернорусским говорам, которым свойственна замена исконного /ѣ/ на /и/. Среди них традиционно выделяются две группы: 1) говоры, в которых /ѣ/ совпадает с /и/ только в положении перед мягкими согласными, а перед твердыми звучит как [ѣ] либо [е] (в северном наречии такие говоры преобладают); 2) говоры, в которых /ѣ/ заменяется на /и/ во всех положениях⁸ (подобное произношение характерно для современной Ладого-Тихвинской группы говоров и частично для Белозерско-Бежецких и Онежских межзональных говоров⁹).

Анализируя собранный материал, в котором *и* на месте *ѣ* широко представлено в позиции перед буквами, обозначающими не только мягкие, но и твердые согласные, можно было бы предположить, что рассматриваемые памятники отражают говор второго типа, где уже к началу XVII в. сложилась система, в которой фонема /ѣ/ отсутствовала, полностью заменившись на /и/. Особой интерпретации при этом требуют случаи мены букв *ѣ* и *е*. Представляется вполне возможным объяснять подобные написания как не имеющие прямого отношения к живому говору писцов. Еще в древнейших памятниках, преимущественно

⁷ Речь идет о д. Сѣтомле, расположенной недалеко от Тихвина (см.: Соколов Н. Н. Поездка в Тихвинский уезд. — Русский филологический вестник, 1909, т. 62, № 3—4, с. 286).

⁸ См.: Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907, с. 75; Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, с. 200; Виноградов В. В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия: очерки из истории звука ѣ в севернорусском наречии. Пг., 1923, с. 162—166.

⁹ Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы (хранится в Секторе диалектологии и лингвистической географии Института русского языка АН СССР), карты № 53, 57 (автор А. К. Васильева).

но церковнославянских, было отмечено смешение букв *e* и *ѣ*, хотя древнерусский язык фонемы /*e*/ и /*ě*/ различал. А. А. Шахматов нашел объяснение этому явлению, приняв во внимание тот факт, что старославянский *ѣ* был ближе к русскому [е], нежели к русскому [ě]. В силу этого обстоятельства русские люди в своем произношении церковнославянских слов читали *ѣ* не как [ě], а как [е], что и дало повод к смешению на письме букв *ѣ* и *e*¹⁰. Такой орфографический навык позволял писцам заменять изредка *ѣ* на *e* и в чисто русских памятниках¹¹. С другой стороны, уже в более позднюю эпоху — в XV—XVII вв. — выработалась норма правильного употребления *ѣ* в слоге под ударением и регулярной замены его на *e* в безударных слогах, что было характерно для московских и некоторых севернорусских памятников соответствующего периода¹². Эта норма, по-видимому, стала своеобразным орфографическим приемом, сохранившимся и в старопечатных московских изданиях¹³. Несомненно, что писцы исследованных нами рукописей были хорошо знакомы с такой орфографией и могли усвоить, что буквы *ѣ* и *e* взаимозаменяемы. Следует заметить, что памятники с заменой *ѣ* на *и* и иногда на *e*, подобные рассматриваемым нами, историкам языка известны и объясняются ими в свете вышеизложенных фактов¹⁴.

Итак, можно предложить следующую интерпретацию написаний с буквами *ѣ*, *и*, *e*: в говоре писцов /*ě*/ заменился на /*i*/, а случаи написания *e* на месте *ѣ* объясняются орфографически. Однако тщательный анализ распределения материала по позициям показывает, что в положении перед буквами, обозначающими твердые согласные, *e* на месте *ѣ* встречается значительно чаще, нежели в положении перед буквами, передающими мягкие согласные. Так, в корнях слов в позиции перед твердыми согласными *и* на месте *ѣ* встретилось 300 раз, *e* — 145 раз (соотношение 2:1); в позиции же перед мягкими согласными *и* отмечено 120 раз, *e* — 20 (соотношение 6:1). Примерно та же картина наблюдается и в аффиксальных морфемах. Все это наводит на размышление о том, что судьба фонемы /*ě*/ в исследуемых говорах конца XVI — первой половины XVII в. в разных положениях могла быть неодинаковой.

Возможно, в позиции перед мягкими согласными фонема /*ě*/ реализовалась в монофтонге [и] (при этом редкие случаи замены *ѣ* на *e* в данном положении объясняются рассмотренными выше причинами появления буквы *e* на месте *ѣ* в рукописях, смешивающих *ѣ* и *и*). В положении же перед твердыми согласными фонема /*ě*/ реализовалась в звуке неоднородного качества, возможно, в дифтонге [и^е] с преобладанием первой части. К. В. Горшкова доказала, что в говорах новгородского типа непосредственного фонетического перехода [ě] в [и] не было и что он совершился через стадию дифтонга типа [и^е]¹⁵. Вероятно, в рассматриваемых нами рукописях зафиксирована

¹⁰ См.: Шахматов А. А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. СПб., 1886, с. 212—214.

¹¹ Там же, с. 215.

¹² См.: Дурново Н. Н. Записки по истории звуков русского языка. Харьков, 1914, с. 161.

¹³ См.: Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980, с. 186.

¹⁴ См.: Виноградов В. В. Указ. соч., с. 266; Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, с. 44.

¹⁵ См.: Горшкова К. В. Развитие диалектных различий северных говоров в системе вокализма. — Вопр. языкозн., 1964, № 5, с. 97; Она же. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., 1968, с. 131; Она же. Историческая диалектология русского языка. М., 1972, с. 109.

последовательность изменения $[\dot{\text{e}}] \rightarrow [\text{ie}] \rightarrow [\text{и}]$ в северном наречии русского языка. Первоначально дифтонгическое сочетание монофтонгизировалось в $[\text{и}]$ в положении перед мягкими согласными, сохраняясь перед твердыми¹⁶. В дальнейшем в разных северных говорах система ударного вокализма эволюционировала неодинаково. В большей их части монофтонгизация $[\text{ie}]$ перед твердыми согласными развивалась в сторону второго элемента дифтонга, в результате чего сложилась известная система ударного вокализма, где в качестве рефлекса старого $/\dot{\text{e}}/$ перед твердыми согласными выступает звук $[\text{e}]$, а перед мягкими — $[\text{и}]$. В других говорах дифтонг $[\text{ie}]$ перед твердыми согласными изменился так же, как перед мягкими, т. е. полностью монофтонгизировался в $[\text{и}]$. Такие говоры сложились как раз на территории современной Ладого-Тихвинской группы. А. И. Сологуб, специально занимавшаяся историей данного диалектного объединения, пришла к выводу о том, что последовательное произношение $[\text{и}]$ на месте старого $/\dot{\text{e}}/$ во всех возможных позициях развилось там примерно в XVI—XVII вв.¹⁷ Предпринятый нами анализ рукописей может способствовать некоторому уточнению этой датировки. Так, судя по всему, в первой половине XVII в. $[\text{и}]$ на месте $/\dot{\text{e}}/$ в положении перед твердыми согласными еще не произносилось, и процесс унификации рефлексов старого $/\dot{\text{e}}/$, возможно, следует отнести к несколько более поздней эпохе.

Именно произношением $/\dot{\text{e}}/$ как $[\text{ie}]$ можно объяснить чередование в рассматриваемых рукописях букв ѣ , и , е , перед буквами, обозначающими твердые согласные. В. В. Виноградов отмечал, что для передачи всех оттенков звука $[\dot{\text{e}}]$ в русской графике существовало всего три буквы, поэтому за ними могли стоять самые разнообразные значения. Так, буква и была способна передавать звуки $[\text{и}]$, $[\text{ie}]$, $[\text{ie}^e]$ и даже $[\dot{\text{e}}]$; буква ѣ — $[\text{ie}]$, $[\dot{\text{e}}]$ и даже $[\text{ie}^e]$; буква е — $[\text{e}]$, $[\dot{\text{e}}]$ и, возможно, даже $[\text{ie}]$ ¹⁸. Кстати, при анализе орфографии рукописи, писец которой, постоянно заменяя ѣ на и , иногда в тех же словах употребляет на месте ѣ букву е , В. В. Виноградов склонялся к предположению о том, что в говоре писца ѣ звучал близко к $[\text{и}]$ и в некоторых положениях, может быть, даже совпадал с ним. Таким образом, смешение е и и на месте ѣ является «отражением бессильных потуг писца найти более подходящее графическое изображение этого сложного звука»¹⁹.

Фонологическая интерпретация реконструированного звукового значения, скрытого за меной букв ѣ , е и и , выглядит следующим образом. В говоре еще существовала фонема средне-верхнего подъема, которая выступала в своем основном виде только в позиции перед твердыми согласными. В положении же перед мягкими согласными в слог под ударением она была представлена своим позиционным вариантом — звуком $[\text{и}]$, совпадающим с основным видом фонемы $/\text{и}/$. Этот факт

¹⁶ О том, что изменение гласного $[\dot{\text{e}}]$ в $[\text{и}]$ произошло вначале в положении перед мягкими согласными при сохранении его как особой фонемы перед твердыми, писал еще Р. И. Аванесов (см.: Аванесов Р. И. Фонетика (новгородских берестяных грамот). — В кн.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955, с. 91).

¹⁷ См.: Сологуб А. И. О формах дательного — предложного падежей единственного числа типа *пече*, *грязе* в русских говорах. — В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973, с. 151.

¹⁸ См.: Виноградов В. В. Указ. соч., с. 168.

¹⁹ Там же, с. 185.

обусловил ослабление фонемы /ě/ в системе, поскольку в одной из позиций она утратила свой различительный признак — средне-верхний подъем, что должно было повлечь за собой ослабление и другой фонемы средне-верхнего подъема — /ô/, если таковая в рассматриваемом говоре еще существовала. Материал исследованных рукописей не дает возможности констатировать наличие фонемы /ô/ в говоре писцов. Однако тот факт, что в письменных источниках нет указаний на наличие фонемы /ô/, сам по себе об ее отсутствии еще не свидетельствует²⁰, так что вопрос о том, имелось ли /ô/ в говоре писцов, не может быть решен нами ни положительно, ни отрицательно. Если все же предположить, что фонема /ô/ к этому времени уже утратилась, то ее отсутствие должно было, со своей стороны, подрывать пошатнувшееся положение фонемы /ě/.

Таким образом, имеющийся рукописный материал позволяет реконструировать для изучаемых говоров конца XVI — первой половины XVII в. либо семифонемный состав вокализма с неустойчивыми фонемами средне-верхнего подъема, либо шестифонемный с ослабленной фонемой /ě/.

²⁰ См.: Аванесов Р. И. Указ. соч., с. 100.

Поступила в редакцию
16.02.84